

УДК 94(47).044

Д.М. Володихин¹

**Высший воеводский состав полевых соединений в
царствование Федора Ивановича (1584—1598 гг.)**

Россия; история России; местничество; воеводы; опричнина; дворянство; служилая аристократия; военная элита; военная иерархия.

Автор рассматривает социальный состав русского воеводского корпуса в период правления царя Федора Ивановича (1584–1598). В статье прослеживаются

¹ Володихин Дмитрий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н.; volodih@yandex.ru.

изменения, происходившие в командном составе русской армии в зависимости от политической конъюнктуры того времени.

Социальный состав русского воеводского корпуса в царствование Федора Ивановича до сих пор не получил серьезного систематического изучения. В частности, неясно соотношение различных социальных групп в составе среды, из которой рекрутировались полководцы вооруженных сил Московского государства. Нет ответа и на вопрос о том, кто входил в «костяк» воеводского корпуса – группу военачальников, постоянно, из года в год, получавших высшие и высокие посты в русской армии. Не исследовалась важная проблема: как отразилось на командовании армией России политическое доминирование группировки Годуновых-Сабуровых, начавшееся в середине 1580-х гг.

С целью ликвидировать все перечисленные «белые пятна» были проанализированные данные разрядных книг, уточненные и откорректированные по ряду летописных источников. Исследование коснулось исключительно воеводского корпуса в полевых соединениях и только самых значительных воеводских постов – командующих соединениями и отдельными полками (включая ертаул и «государев полк», но исключая «кош» и «наряд»).

Удалось сделать следующие выводы:

1. Из 108 назначений командующими в полевых соединениях² представители нетитулованной аристократии всего 20 раз оказывались на подобного рода постах. Это выходцы из 7 родов старомосковского боярства: Головиных, Морозовых, Годуновых (по 1 назначению), Бутурлиных (3 назначения), Плещеевых-Очиных (3 назначения), Сабуровых (4 назначения), и Шереметевых (7 назначений).

Совершенно очевидно весьма высокое положение Шереметевых в воеводской иерархии. Оно явилось результатом как их высокого положения в иерархии местнической, так и традиционно выбора этим семейством поприща военачальников.

Общее присутствие нетитулованной знати на высших воеводских постах в действующих полевых соединениях составляет около 18,5 % от общего числа назначений. Один из случаев надо признать сомнительным. Ф.А. Бутурлину приписано командование пятью полками, притом в полковых воеводах записаны аристократы более знатные, чем он, или, во всяком случае, равные ему: Н.И. Плещеев-Очин, кн. М.Ф. Гвоздев-Ростовский, кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский, кн. В.Г.

² Таковыми считались, в соответствии с воинским законом того времени, лица, занимавшие в полевых соединениях пост первого воеводы большого полка.

Щербатый. По крайней мере, Н.И. Плещеев-Очин и князь В.И. Бахтеров-Ростовский стояли в служебно-местнической иерархии того времени вровень или, скорее, выше Ф.А. Бутурлина, но странным образом приняли подчинение ему без местнического челобитья. Эта ситуация относится к осени 1590 г. Сама разрядная запись сопровождается горделивым местническим комментарием в пользу Бутурлиных и заставляет заподозрить сознательную фальсификацию.

2. Особое положение в действующей армии занимал «дворовый воевода» (т.е. командующий «государева полка» или, иначе, Государева двора в походе) Б.Ф. Годунов. Очень хорошо этого его особое положение видно по двум операциям: большому наступлению на Ям, Ивангород и Нарву в 1589–1590 гг. и обороне Москвы от крымцев летом 1591 г. Однако его близкая родня – Годуновы, Сабуровы и Вельяминовы – не получили в верхнем эшелоне воеводского корпуса преобладающего положения. По количеству назначений данного уровня они уступают Шереметевым, князьям Черкасским, а также еще полудюжине княжеских родов русского происхождения. Способности Б.Ф. Годунова как военачальника оцениваются в летописях критически.

3. Представители не-аристократических родов среди командующих действующими полевыми соединениями встречаются только 2 раза – чуть менее 2 % от общего числа назначений на такого рода посты. Это князья А.В. и Д.П. Елецкие. Они принадлежат знатному роду, несколько не дотягивающему до положения аристократического. Князья Елецкие, скорее, могут быть названы представителями верхушки провинциального дворянства. Иными словами, князья Елецкие пребывают на пороге аристократического статуса. В 1584 г. князь Д.П. Елецкий был пожалован окольниковством, и это позволяет, хоть и с натяжкой, видеть в Елецких фамилию, временно оказавшуюся в кругу служилой знати.

4. Выезжая знать (князья Черкасские, князь В.А. Тюменский, «воеводич» С.А. Волошский) – получала должности командующих 11 раз, т.е. около 10 % от общей суммы. Поистине выдающееся положение занимал князь Б.К. Черкасский, возглавлявший полевые соединения 6 раз.

5. Соответственно, за русской титулованной знатью – 75 назначений, иначе говоря, 69,5 % от всех назначений. Среди семейств княжеской аристократии они распределяются следующим образом:

Бахтеяровы-Ростовские – 1

Воротынские – 1

Долгорукие – 1

Звенигородские – 1
Хилковы – 1
Засекины – 2
Глинские – 2
Шуйские – 2
Ногтевы-Суздальские – 3
Ромодановские – 3
Катыревы-Ростовские – 4
Туренины – 4
Буйносовы-Ростовские – 6
Хворостинины – 6
Голицыны – 8
Ноготковы-Оболенские – 9
Мстиславские – 9
Трубецкие – 12

Чаще прочих командовать полевыми соединениями ставили князей Ф.И. Мстиславского (9 раз), Т.Р. Трубецкого (9 раз) и Ф.А. Ноготкова-Оболенского (8 раз). По 4 раза высшие командные посты занимали князья Д.И. Хворостинин, В.В. Голицын, И.И. Голицын, а также М.П. Катырев-Ростовский. Свидетельство Джильса Флетчера, включившего князя И.М. Глинского в число четырех главнейших полководцев России, не подтверждается.

6. Операции, где общее командование доверяли воеводам из старого боярства, и, тем более, князьям Елецким, имели сравнительно меньший масштаб, нежели операции, где старшинство отдавалось представителям княжеской аристократии.

7. На посты первых воевод в остальных полках, помимо большого, за период царствования Федора Ивановича было сделано 278 назначений. Из них 56 раз на подобные должности ставились представители древних боярских родов или же бывших княжеских, утерявших право на титул (Полевы). Это приблизительно 20 % от общего количества назначений.

Назначения распределяются между отдельными семействами следующим образом:

Колычёвы – 1
Полевы – 1
Нагие – 1³
Морозовы – 2

³ Назначение А.А. Нагого одним из первых полковых воевод при отражении татарского набега осенью 1584 г. сомнительно – в другой разрядной записи на его месте указан Е.В. Бутурлин: [2, с. 214]; сравнить: [1, с. 48].

Головины – 3
Плещеевы и Плещеевы-Очины – 6
Годуновы – 7
Бутурлины – 7
Шереметевы – 8
Сабуровы – 9
Салтыковы – 11

Нагие, Головины и Колычёвы едва заметны, поскольку находились в опале и унижении. Полевы – знать «третьего сорта», некоторые исследователи вообще отказывают им в аристократическом статусе, хотя это весьма родовитая фамилия, к тому же, занимавшая при Иване IV видное положение. Шереметевы, как уже говорилось, – традиционный лидер в военной сфере. Да и положение Плещеевых, Бутурлиных, Салтыковых в командовании вооруженными силами Московского государства оставалось весьма высоким на протяжении нескольких поколений. Тут ничего неожиданного. К тому же, Салтыковы примыкали к господствующей группировке Годуновых-Сабуровых. В.П. Морозов был в родстве с Салтыковыми и потому оказался возвышен.

Годуновы и Сабуровы, входя в лидирующую по политическому «весу» и придворному влиянию «партию», естественно, занимают в воеводском корпусе выдающееся место, хотя и не преобладающее. Можно сделать вывод: доминирование при дворе не обеспечивало Годуновым-Сабуровым доминирования в армии. Тут им в большей степени приходилось полагаться на союзных князей Трубецких и Хворостининых – опытных, умелых военачальников.

Чаще всего назначения командовать отдельными полками получали П.Н. Шереметев (7) и М.Г. Салтыков (7).

8. Выходцы из слоев, не относящихся к служилой аристократии, оказывались на таких должностях довольно часто – 16 раз (примерно 6 %).

Здесь надо сделать важную оговорку: эта группа не является однородной.

На воеводские посты нередко ставили выходцев из семейств, недалеко отстоящих от аристократии или, возможно, находящихся на крайней ее периферии. Таковы князья Коркодиновы, князья Друцкие, князья Щетинины, князья Шаховские, князья Путятины. Между ними и аристократическими родами нет никакой пропасти, напротив, граница размыта и переходима.

Весьма близко к ним стояли семейства, представлявшие богатую и знатную верхушку провинциального дворянства: Вердеревские,

Бестужевы, Проестевы, Игнатьевы, князья Барятинские, князья Гагарины, князья Кропоткины.

Р.М. Пивов – худородный «выдвиженец» Ивана Грозного, думный дворянин, влиятельный при дворе человек. Он сохранил относительно высокое положение после того, как обширная группировка таких же парвеню, поднятых волей государя к высотам власти, оказалась разгромленной и униженной.

Д.Н. Чепчугов – сын Н.П. Чепчугова-Клементьева, добившегося назначений на высокие воеводские посты при очевидном отсутствии знатности и какого-то особенного благоволения со стороны царя. Чепчуговы представляли средние слои дворянства, не имевшие влияния при дворе. Чепчуговы связаны были с влиятельным дьяческим семейством Щелкаловых. Василий Яковлевич Щелкалов, по всей видимости, женился на сестре Никифора Павловича, а Василий Петрович Морозов, представитель влиятельного старомосковского боярского рода, был двоюродным братом Евдокии Никифоровны Чепчуговой. Таким образом, вполне вероятно возвышение Чепчуговых при покровительстве сильной родни.

Каждый из перечисленных родов отмечен одним назначением, а Барятинские – тремя.

9. Что касается родов выезжей титулованной аристократии, то два из них оказались в высшей степени востребованными. Это те же князья Черкасские (12 назначений) и князья Тюменские (8 назначений). Итого 20 назначений, что составляет около 7 %.

Два полководца из этой среды использовались на воеводских должностях данного уровня с высокой частотой: князь В.К. Черкасский (10 раз) и князь В.А. Тюменский (7 раз).

10. Чаще всего первыми воеводами в отдельных полках становились представители русской титулованной аристократии. На них приходится в общем счете 186 назначений или приблизительно 67 % от общего их числа.

Между отдельными родами они распределяются следующим образом:

Пронские – 1

Мосальские – 1

Гундоровы – 1

Репнины – 1

Сицкие – 1

Катыревы-Ростовские – 2

Приимковы-Ростовские и Приимковы-Гвоздевы-Ростовские – 3

Татевы – 3

Бахтеяровы-Ростовские – 3
Шуйские – 5
Ногтевы-Суздальские – 5
Одоевские – 5
Кашины – 5
Лобановы-Ростовские – 5
Великого-Гагины – 5
Буйносовы-Ростовские – 6
Хворостинины – 6
Хилковы – 7
Засекины, Жировые-Засекины, Солнцевы-Засекины – 8
Ромодановские – 9
Тюфякины – 9
Долгорукие – 11
Ноготковы-Оболенские – 11
Туренины – 13
Трубецкие – 13
Щербатые – 14
Звенигородские, Ноздроватые-Звенигородские, Токмаковы-Звенигородские – 15
Голицыны – 18

Слабость позиций князей Шуйских по части воеводских назначений, как уже говорилось, – результат полного их разгрома Годуновыми и тяжелой царской опалы. Обилие назначений, доставшихся князьям Звенигородского дома, а также Щербатым, Турениным, и особенно Долгоруким, объясняется многочисленностью представителей этих родов на государевой службе.

Голицыны представляют собой парадокс: они не являлись доброжелателями Годуновых, страдали от опал, хотя и не столь тяжких, какие обрушились на Шуйских, от жестоких местнических поражений, а некоторыми исследователями они даже рассматриваются в качестве своего рода оппозиции Годуновым-Сабуровым при дворе. Но исключительно высокий местнический статус и служба одновременно нескольких видных представителей этого семейства обеспечили Голицыным колоссальное влияние в сфере военного командования.

Когда формировалась армия, предназначенная для решения первостепенно важной боевой задачи, явное преобладание в ее командном составе получали князья-Гедиминовичи: Ф.И. Мстиславский, Трубецкие, Голицыны, да еще присоединявшиеся к ним князья Черкасские. Очень хорошо видно: знатнейшим князьям-Рюриковичам

оказывалось не столь большое доверие, их редко использовали в таких случаях.

От 6 до 11 раз на должности первых воевод в отдельных полках назначались князья Т.Р. Трубецкой, И.И. Голицын, В.В. Голицын, В.Г. Щербатый, Ф.А. Ноготков-Оболенский, В.В. Тюфякин.

11. За неполные 14 лет правления Федора Ивановича список лиц, хотя бы по одному разу назначенных на воеводский пост в полевое соединение, ушел далеко за отметку 100. Тем не менее, боевой костяк воеводского корпуса на уровне командующих соединениями и отдельными полками невелик – менее двух десятков человек. В него входили:

Князь П.И. Буйносов-Ростовский

Князь В.В. Голицын

Князь И.И. Голицын

Князь М.П. Катырев-Ростовский

Князь Ф.И. Мстиславский

Князь Ф.А. Ноготков-Оболенский

Князь Д.А. Ногтев-Суздальский

Н.И. Плещеев-Очин

М.Г. Салтыков

Князь Т.Р. Трубецкой

Князь В.А. Тюменский

Князь В.В. Тюфякин

Князь Д.И. Хворостинин

Князь Б.К. Черкасский

Князь В.К. Черкасский

П.Н. Шереметев

Князь В.Г. Щербатый

Этих людей постоянно отправляли командовать войсками. Некоторые из них по несколько раз в год оказывались в фронтовых условиях.

По числу назначений абсолютно преобладает князь Ф.А. Ноготков-Оболенский. Это самый востребованный русский полководец времен царствования Федора Ивановича. Его назначали на воеводские посты, соответствующие командованию полевым соединением или отдельным полком около 20 раз. И эту востребованность невозможно объяснить одним лишь значением князя в местнической иерархии: положение Ф.А. Ноготкова-Оболенского в ней было высоким, но не исключительным. Остается предполагать в нем яркие тактические способности.

1. Разрядная книга 1475—1605. М., 1987. Т. III. Ч. 2.
2. Разрядная книга 1559—1605. М., 1974.